Экономические тренды и их влияние на банковский бизнес

Илья ИЛЬИН,
начальник отдела анализа банковского и финансового рынков центра аналитики и экспертизы, Промсвязьбанк

Ситуация в экономике зачастую непредсказуема, как сюжет хорошего сериала. Поэтому принято считать, что прогнозы — дело неблагодарное. В нынешнее турбулентное время это замечание еще более актуально. Но публикация прогнозов в начале года позволяет лучше зафиксировать то информационное поле и общее настроение, в котором они делаются. В результате в конце очередного, очевидно непростого года появляется отличная возможность посмотреть, что пошло не так.

Прогноз ключевой ставки позволяет банкам построить базовый план по бизнесу, наметить показатели кредитного портфеля или клиентских пассивов, рассчитать потенциальную маржу и итоговые результаты

В статье попробую примерить на себя роль визионера и порассуждаю об основных социально-экономических тенденциях ближайших лет и о том, как они будут влиять на ландшафт банковского сектора и специфику его бизнеса.

Одной из ключевых проблем такого анализа является то, что связь между экономикой, макротрендами и банковским бизнесом зачастую весьма призрачна.

Возьмем динамику ВВП. Отклонения факта от прогноза на 1 или 2 п. п. здесь имеют колоссальный размер в денежном выражении и играют важную роль с точки зрения прироста экономики, ощутимо влияют на бюджетные доходы и т. д. Однако для результатов банковского сектора, а тем более отдельного, даже крупного банка такие отклонения оказываются по меньшей мере неоднозначными. И уж тем более сложно сказать, как это математически отразится на поведении клиентов розничного или корпоративного сектора независимо от причин отклонения ВВП. Например, теоретический спад ВВП из-за снижения потребления, очевидно, будет сопровождаться меньшим спросом на потребкредиты или ипотеку. Но значимую статистическую точность вывести не удается, и все современные машинные методы допускают большую погрешность, не выигрывая у экспертной оценки или простейших, грубых зависимостей и моделей. А если такие оценки мелькают в специализированных отраслевых и нишевых журналах, то, как правило, там и остаются.

В результате общая практика аналитиков выглядит так: представляется экспертный прогноз по росту ключевых показателей банковского сектора, а потом остается наблюдать, насколько он сбылся или не сбылся, и пытаться придумать интерпретацию.

Тут сделаю отступление. На самом деле чаще всего динамику ВВП банки закладывают в риск-модели. Вот здесь несложно увидеть прямую зависимость между стоимостью риска или динамикой создания резервов и темпами роста экономики. По нашим оценкам, просадка ВВП на 1 п. п. соответствует досозданию резервов банковского сектора на 300–500 млрд рублей.

Впрочем, последние несколько лет такая связь нарушается и модели требуют калибровки. Одна из причин — активная господдержка экономики и банков, например послабления по резервам и кредитным каникулам, а также программы льготного финансирования в различных секторах, включая МСП, которые активизировались в «ковидный» 2020 год.

Так, в 2020–2021 годах банковский сектор создал резервов на 1.7 трлн рублей при оценках почти вдвое выше (2.5–3 трлн рублей от АКРА при просадке ВВП на 3–4 %). В 2022 году сложилась обратная ситуация: объем созданных резервов (по данным ЦБ, опубликованным в конце января, — 2.5 трлн рублей) даже превысил последствия от просадки экономики (~ -2.5 % ВВП). Здесь, видимо, сыграла свою роль перестраховка (в первом полугодии ожидалось, что ВВП просядет на 8–10 %). Кроме того, в значительной степени на динамику ВВП повлияли санкционные риски, а не слабость российской экономики или бизнеса.

Но есть и более значимые показатели для планирования банковской деятельности. Так, прогноз ключевой ставки позволяет банкам построить базовый план по бизнесу, наметить показатели кредитного портфеля или клиентских пассивов (в разрезе бизнес-линии), рассчитать потенциальную маржу и итоговые результаты. Отклонение фактической ключевой ставки от прогнозной приведет к сдвигу принятых показателей. Если ставка выше, чем прогнозировалось, условный банк, вероятно, выдаст меньше кредитов. Но одновременно привлечет больше пассивов и с большей маржой, чем в бизнес-плане. Это происходит потому, что вместе с ключевой ставкой растут трансфертные ставки (как правило, почти линейно), в то время как пассивы дорожают в меньшей степени и есть такие, стоимость которых практически не меняется. Поэтому маржинальность растет. Аналогично и в обратном случае: если ставки ниже прогнозов — банк заработает больше на активной стороне.

В результате финрез банка или отдельной бизнес-линии даже может остаться в рамках бизнес-плана. Таким образом, прогноз ключевой ставки и отслеживание ее траектории позволяют вовремя корректировать тактику банка и его бизнес-подразделений.

Итак, мы не можем дать точную количественную оценку влияния трендов или развития экономики на банковский сектор, даже если использовать какие-то оценки экономики в качестве вводных параметров. Но ничто не мешает нам порассуждать.

Можно выделить три направления, объединяющих социально-экономические тренды ближайших лет: экономика, политика монетарных властей и демография. Группировка не идеальна, имеет пересечения и основана на эффектах для банковского сектора.

1. Экономика

- Восстановление ВВП на досанкционном уровне в 2025 году. Драйверы роста: потребление домохозяйств, инфраструктурное строительство, проекты по импортозамещению.
- Сохранение ограничений на движение капитала.
- Трансформация ВЭД с переориентацией на Азию и Ближний Восток.
- Развитие МСБ за счет гибкости в импортозамещении и параллельном импорте.

То есть в прогнозах мы исходим из того, что экономика постепенно адаптируется к ограничениям и после некоторой просадки в этом году с 2024 года выйдет на траекторию роста и далее вернется к уровням 2021 года. Драйвером роста станет потребление, поддержанное госрасходами, ростом зарплат из-за дефицита рабочей силы и замедлением инфляции. Госрасходы также поддержат инфраструктуру и импортозамещение.

Сопровождающие эффекты для банков:

- Сохранится спрос на внутреннее финансирование для замещения внешнего.
- Темпы девалютизации замедлятся. Пассивы банков в значительной степени уже «перевернулись», как и кредиты тем клиентам, кому это было критично. В отличие от 2022 года ближайшие 1-2 года сокращение валютных активов будет опережать динамику валютных пассивов.
- Переход бизнеса ВЭД в банки вне топ-10, новые модели работы с ВЭД со стороны санкционных банков.
- Рост конкуренции банков внутри страны. Фокус банков на работе с МСБ (активные программы лояльности, цифровые сервисы, специализированные/нишевые банковские и небанковские продукты — экосистемные решения).
- Кредитный портфель, пассивы и комиссионный доход МСБ будут расти быстрее рынка крупных корпоративных клиентов.
- Уровень резервов будет средним — между докризисным и кризисным периодами. Но высокая степень неопределенности по всем бизнес-сегментам будет сдерживать аппетит банков к кредитованию.

Таким образом, ожидаем рост конкуренции. Потенциальные рынки сжимаются, а внутри страны проникновение банковских

По нашим ожиданиям, Минфин будет проводить стимулирующую политику, а Банк России — скорее сдерживающую

услуг находится на высоком уровне. Кроме того, будут активнее проявлять себя новые игроки финансового рынка (маркетплейсы, Яндекс и т. п.). Конкурентоспособность банков будут определять возможности предоставления удобных цифровых сервисов (проведение 99% операций через смартфон, платформенные решения, бесшовное финансирование), предиктивные и специализированные клиентские предложения и кросс-продажи с использованием скоринга через нейросети, внутренняя максимальная автоматизация функций для снижения расходов и т. п.

2. Монетарная и фискальная политика

• Рост госрасходов с фокусом на расширение соцпрограмм, целевые проекты, в том числе развития инфраструктуры (логистика и новые территории), импортозамещения и цифровизации.

• Умеренно-жесткая денежно-кредитная политика Банка России. ЦБ может перестраховываться, решения по ключевой ставке будут отставать от фактической инфляции.

• Плавный выход из послаблений для банков в части расчета достаточности капитала и нормативов ликвидности при одновременном закручивании гаек в необеспеченном кредитовании и ипотеке (инструменты сдерживания роста цен).

• Обновленные стратегия и направления развития финансовых рынков с целью обеспечения трансформации экономики за счет внутренних ресурсов.

Итак, по нашим ожиданиям, Минфин будет проводить стимулирующую политику, а Банк России — скорее сдерживающую. Иначе говоря, денежная масса будет расти, но ставки и, как результат, сберегательная активность населения и бизнеса будут сохраняться на относительно высоком уровне.

Сопровождающие эффекты для банков:

• комфортный уровень ликвидности в банковской системе;

• снижение ставок по пассивам, опережающее кредитные;

• устойчивый уровень маржи на уровне 2019-го или 2021 года;

• рост потенциала государственно-частного партнерства в широком спектре отраслей, активный рост инструментов с госгарантиями.

Реализация приведенного сценария по политике монетарных властей приведет к тому, что у банков будет поддерживаться изрядный запас ликвидности, формируемый и поддерживаемый дефицитом бюджета. Избыток будет размещаться в инструменты абсорбирования ликвидности ЦБ. Кредитная активность может вырасти, но это не изменит ситуацию. Выданный кредит просто перемещает ликвидность из одного банка в другой. С точки зрения избытка ликвидности в банковской системе ситуация не меняется.

В краткосрочном периоде влияние денежно-кредитной политики будет оставаться на высоком уровне, но потенциально создаются стимулы для снижения банковских ставок независимо от политики Банка России, то есть величины ключевой ставки. В первую очередь это коснется пассивов — зачем держать высокие ставки на привлечение, если денег много и все равно их приходится размещать в ЦБ? С подобным развитием событий можем столкнуться уже в ближайшее время. При сохранении ситуации «как сейчас» увидим снижение ставок по вкладам по мере того, как ряд банков, испытывающих сейчас недостаток ликвидности и удерживающих повышенный уровень ставок, решат свои вопросы с фондированием.

Для формирования аналогичных ожиданий и поведения участников в кредитных ставках, то есть чтобы ставки начали снижаться независимо от ключевой ставки, потребуется больше условий: 1) снижение наклона кривой ОФЗ, 2) более продолжительное время (до полугода) стабильной политики ЦБ и ситуации в экономике. Тут можно напомнить, что в 2017 году ЦБ запустил КОБРы как инструмент управления ликвидностью — как раз для нивелирования описанных выше рисков снижения эффективности ДКП в условиях формирования избыточной ликвидности на рынке.

Подобное развитие событий позволит банкам управлять маржинальностью, удерживая ее на комфортном уровне.

3. Население

• Рост численности за счет новых территорий и мигрантов.

• «Старение» населения. Увеличение продолжительности жизни и повышение пенсионного возраста закономерно увеличат долю населения преклонного возраста в экономически активном населении.

• Рост реальных доходов (госполитика, дефицит рабочей силы, контроль за инфляцией).

Таким образом, демографическая ситуация в России будет оставаться сложной. Значительное влияние в поддержании человеческого капитала будет оказывать миграция. Ожидаем восстановление чистой миграции к допандемийным значениям — около 250–300 тысяч человек в год в долгосрочной перспективе.

Сопровождающие эффекты для банков:

• Умеренные темпы роста ипотеки и потребкредитов, ниже темпов предыдущих лет (10–15% в год). Замедление усиливается отмеченным выше давлением со стороны регуляторной политики.

• Рост конкуренции, в том числе рост ценовых условий как фактор конкуренции.

• Умеренный уровень просрочки и плохих кредитов.

• Сохранение преимущественно сберегательной модели поведения.

• Рынок инструментов фондового рынка развивается более высокими темпами, чем сбережения в банках. Рост спроса на продукты управления благосостоянием.

• Спрос на ИЖС (особенно с учетом вероятной поддержки государства).

С учетом уже наметившихся демографических трендов и обозначенных эффектов конкурентоспособность банков будет определяться уровнем цифровизации. Сюда относится доступность большинства продуктов и сервисов через цифровые/удаленные каналы, управление клиентским опытом, использование нейросетей в рисках и кросс-продажах, использование цифрового профиля и удаленной идентификации. В инвестициях — финансовое консультирование и предложение новых инвестпродуктов, позволяющих диверсифицировать риски с учетом ограничений.

Собрав вместе ключевые социально-экономические тренды, которые проявятся в среднесрочной перспективе, можно констатировать, что у российских банков будут определенные возможности для роста бизнеса. Этому будет способствовать восстановление экономики, замещение доли западных банков, приток ликвидности в систему по бюджетному каналу. Восстановление прибыльности будет способствовать росту инвестиций в цифровые сервисы и развитие экосистем. Это позволит нарастить или удержать клиентскую базу, повысить проникновение продуктов и снизить риски.